

ШАХМАТЫ КАК МЕТАФОРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

На миниатюре рукописи трактата XIII в., хранящейся в Британской библиотеке, мы видим Смерть, играющую в шахматы с человеком. Такие изображения стали довольно частыми начиная с середины XIII в., когда в образах шахматной игры увидели как бы сжатую универсальную формулу жизни. Этот образ жизни как игры и игры как жизни воссоздан во второй половине XIII в. в сочинении, приписываемом папе Иннокентию III. В нем автор сравнивает мир и шахматную доску: «Мир это как бы шахматная доска, одна клетка белая, а другая черная, так сменяют друг друга жизнь и смерть, счастье и несчастье»¹. Впервые в этом трактате автор пытается связать шахматные фигуры с определенными социальными группами. Фигуры обозначаются как *familia*, которые лишь на время игры вынимаются из *sacculo materno* (букв. – материнского лона), чтобы занять определенное место. Шахматы стали одной из излюбленных аллегорий Средневековья, в соответствии с которой весь мир – шахматная доска и Всемогуший Господь играет фигурами, передвигает королей и пешек, дает им возможность выигрывать и проигрывать. А когда игра жизни кончается, приходит Смерть, сваливает в кучу все фигуры и швыряет их в оссуарий, или в *sacculus maternus*, как в нашем трактате, и вновь все фигуры оказываются в равном положении – они равны перед смертью.

Средневековые проповедники неслучайно использовали шахматные образы в своих проповедях. Шахматы – игра, обладающая богатыми семиотическими смыслами. Игрок перед шахматной доской вместе со своими фигурами ведет некое подобие сражения: шахматная партия – подобие игры жизни, игрок одерживает победы и терпит поражения, заключает альянсы и вступает в конфликты, а затем отходит в вечность. Это совершенно осознанная имитация, и М.М. Бахтин прав, когда говорит о том, что в играх как бы разворачивалась жизнь в миниатюре (переведенная на язык условных символов). Это сказано им по поводу «игр Гаргантюа», и действительно, в играх мы находим нечто вроде концентрированной и универсальной формулы жизни и исторического процесса: счастье-несчастье, взлет-падение, приобретение-утрата и пр. В Средние века живо осознавался универсализм образов игры, их отношения к времени и будущему (кости и карты – орудия гадания), к судьбе, их мирозерцательный характер². Так понимались шахматные фигуры, фигуры и масти карт, так воспринимались и кости. Игра не стала еще просто бытовым явлением. Она сохраняла тогда свое миро-

созерцательное значение. Это в полной мере – и в первую очередь – относится к шахматам.

Но нас будет интересовать один из аспектов этой необъятной темы – шахматы как метафора общества и вообще метафоры, в которых Средневековье осмысляло социальные отношения.

МЕТАФОРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

В Средние века общество (государство) представляли по-разному: в виде тела, здания, дерева и даже колеса³. Примеры могут быть весьма разнообразными и колоритными. В классическое Средневековье, например, популярной была метафора здания, чаще всего церкви. Так, Гонорий Августодунский уподоблял общество церкви, где разные отсеки здания представляют разные сословия, причем пол – это крестьяне⁴. Это указание на низкий статус – по полу ходят, но это и фундамент всего здания, а, значит, важность крестьянского сословия признается. Такая модель отразила повышение социального престижа труда.

Начиная с XII в. большое распространение получила *телесная метафора* общества. Образ тела лучше всего передавал идею сотрудничества отдельных частей ради общественного блага, идею средневековой социальной гармонии. Видимо, метафора была отчасти заимствована из Античности – достаточно вспомнить басню Менения Агриппы о восстании членов тела против желудка. Но христианство наполнило эту метафору новым смыслом: имеется в виду Первое послание к коринфянам, где церковь, христианская *universitas*, осмыслялась как Тело Христово, *Corpus Christi* (1 Кор.: 12–27: «Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос... И вы – тело Христово, а порознь – члены...»). В таком преобразованном виде метафора нередко использовалась средневековыми мыслителями. Так, в сочинении Иоанна Солсберийского «*Policraticus*», на который часто будут ссылаться авторы шахматных трактатов, используется все та же телесная метафора. В этом трактате общество (государство) изображается в виде тела, в котором правитель – голова, сенат – сердце, судьи и наместники – глаза и уши⁵. Невооруженная рука обозначает исполнительную власть, вооруженная рука – армию, живот – финансы, ноги – крестьян и ремесленников⁶. Как тело подчинено душе, так государство – церкви⁷. Таким образом, модель общества у Иоанна Солсберийского отражает паулинскую метафору с той только разницей, что концепция *Ecclesia* как *Corpus Christi* вытеснена здесь христианизированным представлением о *Res publica*, государственном теле, все

члены которого вместе служат Богу⁸. Так или иначе все средневековые модели общества, видимо, в силу присущего им холизма, интерпретировались как отражение божественного порядка.

Это касалось особенно близкой телесной тройственной модели, различные модификации которой описаны в трудах средневековых клириков. В латинской традиции одним из первых ее воспроизвел Исидор Севильский, утверждавший, что еще во времена Ромула все племена древнего Рима были разделены на три части – сенаторов, воинов и плебс. В IX в. Эмон Оксеррский заменил три римских племени на три *ordines* – священники, воины и народ: соответственно сенаторы превратились в *oratores*, а римский плебс – в *laboratores*⁹. Эти представления об устройстве общества получили дальнейшее развитие в сочинениях епископа Адальберона (XI в.) и его последователей¹⁰. Их схема общества, состоявшего из *oratores, bellatores u laboratores*, представляет всего лишь частный случай тройственной модели. В целом же эта модель способствовала укреплению центральной власти и маскировала противоречия между клириками и мирянами, с одной стороны, и между крестьянами и воинами – с другой. Она интерпретировалась как отражение божественной Троицы и иерархии ангельских чинов. Как и Бог, общество было тернарным и унитарным одновременно. Как и лица Св. Троицы, *tres ordines* были взаимно связанными и зависимыми¹¹.

Следует иметь в виду, что само понятие социальной категории как некоей абстрактной единицы деления общества на противостоящие страты в Средние века не существовало. В основе стратификации лежали самые разнообразные критерии, очень далекие от современных. Общество могло делиться на больных и здоровых, христиан и не-христиан, взрослых и детей и т.д.¹² Критерии стратификации были весьма нерасчлененными и всегда морально окрашенными. Так, пытаясь выстроить социальную иерархию, клирики часто прибегали к таксономии грехов и добродетелей, как, например, Этьен Фужер: в его «Книге нравов» каждой социальной категории соответствует какой-нибудь грех или добродетель¹³. Таков же подход Гуго Сен-Викторского – в его модели общества каждой страте соответствует та или иная добродетель или (что гораздо чаще) тот или иной грех: рыцарям свойственно насилие (*violentia*), торговцам – плутовство (*fallacia*), ремесленникам – обман (*fraus*) и т.д.¹⁴ При этом как та или иная страта могла олицетворять какой-либо грех, так и грех или добродетель персонифицировали определенную социальную категорию.

Так или иначе, все эти способы социальной иерархии выполняли функцию стабилизации и упорядочивания мира: каждый индивид мог занять определенное место в социальной пирамиде, в системе прав и обязанностей. Тем самым подобные модели способствовали

тому, что *volens nolens* индивид должен был признать диктуемые ему условия существования. Общество могли представлять по-разному, но всякий раз, как можно было бы предположить, возникновение новой метафоры, по всей вероятности, опосредованно отражало изменение взглядов на общество и косвенным образом было связано с общественной перестройкой. По крайней мере, такого взгляда придерживаются исследователи социальной структуры средневекового общества¹⁵.

Начиная с середины XIII в. интеллектуалы пытаются осмыслить социальные отношения весьма оригинальным способом, представив общество в виде шахматной доски, а социальные страты – в виде шахматных фигур. Что означала такая метафора и какие новые принципы социальной стратификации она подразумевала?

«ТРАКТАТ О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ ЗНАТИ, ИЛИ О ШАХМАТНОЙ ИГРЕ»

Одним из первых, кто изобразил средневековое общество в виде шахматных фигур, был некий Якопо ди Чессоли, написавший «Книгу об обязанностях и нравах знати, или о шахматной игре» (*Liber de moribus et officium nobilium, sive de ludo schaccario*)¹⁶. Автор трактата был монахом доминиканского монастыря в Генуе. Датировку его произведения можно определить лишь приблизительно. В нем упомянуты построенные Фридрихом II Капуанские ворота, и, стало быть, дата смерти Фридриха (1250 г.) для нас *terminus ante quem*. Но встречающиеся в трактате *exempla* показывают, что автор пользовался «*Speculum historiale*» Винченца из Бовэ, законченным в 1259 г., так что допустимо датировать время написания сочинения второй половиной XIII в. По мнению наиболее авторитетных исследователей, многочисленные аллюзии доминиканца позволяют отнести его трактат к периоду *interregnum* (1254–1273 гг.)¹⁷.

Трактат Якопо де Чессоли делится на четыре части. В первой содержится подробный рассказ о том, как была изобретена шахматная игра. Вторая рассказывает о форме восьми благородных шахматных фигур – короле, королеве, слоне, ладье и пр., каждая из которых олицетворяет определенный социальный страт. Третья повествует о простых шахматных фигурах – пешках, олицетворяющих разные занятия простолюдинов, четвертая – о перемещении фигур.

Вначале Якопо излагает причины изобретения шахматной игры. С точки зрения автора, игра – это полезный досуг и отвлечение от грусти, но непосредственным поводом для ее изобретения послужил эпизод, связанный с *Regis correctio*. Некогда, – рассказывает

автор, – жил в Вавилоне жестокий правитель Эвильмеродаг, сын Навуходоносора. Он был человеком развращенным и дурных нравов и более всего ненавидел своих критиков и наставников, которых, если они ему противоречили, он убивал¹⁸. Народ, страдавший от жестокого государя, обратился к мудрецу Филометру с просьбой наставить тирана на путь истинный. Перед мудрецом встала сложная проблема: обратить к правильной жизни развратника на троне и при этом самому не лишиться жизни. И он изобрел шахматы – сделал из золота и серебра квазичеловеческие фигуры и разместил их на 64 клетках. Игра приобрела огромную популярность, ею увлекались придворные, заинтересовался и Эвильмеродаг и попросил мудреца познакомить его с правилами игры. Филометр изложил правила игры и одновременно ненавязчиво рассказал ему о том, как должны вести себя в обществе король, знать и простолюдины, т.е. по существу прочитал проповедь о нравах и обязанностях¹⁹. Отсюда Чессоли делает вывод: шахматы – игра полезная для воспитания и душевспасительная.

В трактате шахматы постоянно сравниваются с обществом. Вавилон, в котором и была изобретена эта игра, говорит автор трактата, в плане представляет собой, судя по сообщениям пророка Иеремии, квадрат, каждая сторона которого 16 римских миль, $16 \times 4 = 64$. Чтобы представить размеры города, изобретатель этой игры создал доску с 64 клетками. Края доски высокие, потому что они представляют стены города Вавилона²⁰. Шахматы – это идеальный город и в то же время идеальное общество, в котором царят *concordia* и гармония²¹.

В начале своего трактата Якопо ди Чессоли говорит о том, что он уступил настоянию братьев-доминиканцев и записал проповедь, которую ему нередко приходилось читать. Таким образом, этот трактат – практическая мораль, поскольку доминиканец экспериментировал с кафедры. Проповедники в то время прибегали к разным методам воздействия на публику с целью привлечь их внимание. Известно, что, например, Бернардино Сиенский во время проповеди пользовался зеркалом и направлял соответствующим образом лучи на своих прихожан²². Наш автор также прибегает к испытанным способам изложения материала, с тем чтобы как можно эффективнее воздействовать на воображение прихожан и внушить им принципы взаимоотношений в обществе.

Во второй части трактата Якопо рассказывает о благородных фигурах. Шахматы напрашиваются на социальную аллегория: король и королева шахмат ассоциируются с королем и королевой королевства, ладья (*rochus*) – с представителем королевской власти (*vicarii regis*), кони – с рыцарями (*milites*), а слоны (*alphili*) – с судьями (*judices*)²³. Описание каждой фигуры осуществляется по одному

и тому же стандарту: вначале характеризуется ее форма, внешний вид, выявляются присущие ей символические атрибуты. Так, король описан сидящим на троне и держащим в правой руке скипетр, а в левой – державу²⁴, судья (*alphilus*) сидит на стуле (*cathedra magistralis*) и держит перед собой раскрытую книгу²⁵, у викария (*rochus*) в правой руке скипетр как символ королевской власти²⁶, и пр. Подробно и красочно описывая шахматные фигуры, Чессоли исходит из образных представлений²⁷. Он говорит и о местоположении фигур, которое четко закреплено за каждой из них подобно тому, как каждому сословию отводится строго определенное положение в социальной иерархии. Королева, облаченная в богатые одежды и восседающая на троне, находится слева от короля, ведь именно король сообщает ей свою власть и милость²⁸. *Alphili*, олицетворяющие судей, размещаются соответственно на черной (справа от короля) и белой (слева от короля) клетках – один судья отвечает за уголовные дела в королевстве (*causae criminales*), а другой – за гражданские (*res temporales*)²⁹. Точно так же фигуры ладьи (*rochus*) находятся справа и слева на обоих концах шахматной доски. Это означает, что король, который не может лично присутствовать повсюду в королевстве, делегирует викариям часть своей власти. Все благородные фигуры взаимосвязаны, так как все выполняют приказы короля.

Третья часть трактата посвящена описанию неблагородных фигур, т.е. «простолюдинов» (*populares*), которые приравниваются к представителям различных ремесел – крестьянам, кузнецам, ткачам и прядильщикам, купцам, врачам, трактирщикам, городским стражам и гонцам. В трактате в виде фигур пешек представлены различные новые для XIII в. профессии и ремесла. Следует отметить, что основная классификация ремесел этого времени была разработана в трактате «*Didascalicon*» Гуго Сен-Викторского, где были собраны воедино все прежние представления об *artes mechanicae*. Средневековый автор выделил механический тривиум – *lanificium* (обработка шерсти и тканей), *armatura* (оружейное дело, а также строительное дело и изобразительные искусства), *navigatio* (судоходство и торговля в самом широком смысле слова) – и механический квадравиум: *agricultura*, *venatio* (сельское хозяйство, охота – т.е. все, что связано с пропитанием), *medicina* (искусство врачевания) и *theatrica*, под которой понимались рыцарские зрелища³⁰. Как полагают некоторые исследователи, Якопо ди Чессоли, перечисляя неблагородные фигуры, в какой-то степени ориентируется на эту классификацию, также весьма условную и слабо отражающую реальность³¹. Условно говоря, первый простолюдin – крестьянин (*agricola*) – связан с *venatio*, так как это понятие у Гуго Сен-Викторского объединяет все виды деятельности, которые связаны с обеспечением пропитания. Второй

Илл. 1. Восьмая пешка, символизирующая расточителя.
«Книга шахматной игры» Конрада фон Амменхаузена. Начало XIV в.

простолюдин – кузнец (*faber*), – вероятно, ассоциируется с *armatura*. Связь ткача и прядильщика (третий простолюдин) с *lanificium* не вызывает сомнений. Профессия четвертого простолюдина – купца (*mercator*) – соответствует в механическом тривиуме *navigatio*, пятого – медика (*medicus*) – *medicina*, шестого – трактирщика (*tabernarius*) – *venatio*, седьмого же, как, впрочем, и восьмого, связать с каким-нибудь из «*artes mechanicae*» достаточно сложно³².

Поскольку мир профессий (ремесел) чрезвычайно многообразен, то Якопо подводит под общий знаменатель различные ремесла. Так, фигура кузнеца (*faber*) объединяет кроме кузнеца в собственном смысле слова также золотых дел мастера, чеканщика монет, корабельного мастера, дровосека, каменщика и строителей. Что у них общего? – они все имеют дело с металлом: либо они из него что-то изготавливают, либо используют его в работе. В фигуре ткача и прядильщика (*lanificus*) изображаются представители всех профессий,

связанных с обработкой ткани, шерсти, кожи, – в том числе портной и цирюльник, и даже, как ни парадоксально, нотариус, поскольку он пишет на пергаменте. Под фигурой купца (*mercator*) скрываются торговцы и менялы, под фигурой медика – аптекари, врачи и хирурги и пр. Достаточно искусственно в фигуре восьмого простолюдина – гонца (*ribaldus, lusor*) – объединены и расточители, и игроки – т.е. здесь имеются в виду не столько ремесла, сколько моральные качества. Но это не должно удивлять, если мы вспомним, что Якопо ди Чессоли ставил своей задачей описать в шахматном трактате нравы общества.

Простолюдины изображаются с присущими им атрибутами: крестьянин – с мотыгой в руке, кузнец – с молотом и топором, нотариус – с ножницами и ножом. Часто следует и указание на местоположение на шахматной доске. Так, купец стоит перед королем, так как он обеспечивает казну, а кузнец – перед рыцарем, для которого он изготавливает шпоры и уздечки³³. Таким образом, и неблагоприятные фигуры систематически связаны с благородными. Затем Якопо перечисляет требуемые каждому сословию в жизни добродетели, принимая во внимание их обязанности перед обществом. Так, рыцарь как представитель военного сословия должен обладать верностью (*fidelitas*) и щедростью (*liberalitas*), ладья (*rochus*) в качестве представителя – справедливостью (*justicia*), благочестием (*pietas*), а также добровольной бедностью и великодушием (*voluntaria paupertas et liberalitas*), альфилам следует проявлять *justitia*³⁴. Всякий раз описание какой-либо добродетели, необходимой представителю того или иного сословия, сопровождается коротким рассказом (*exemplum*), который также служит средством запоминания. То есть и текст в целом превращается в своеобразное мнемоническое средство, *imago virtutis*. И это, несомненно, прием проповедника, цель которого – пояснить пастве четкое сословное деление общества, показать, что каждому социальному страту отводятся специфические задачи и обязанности. Такова в общих чертах структура средневекового общества, изображаемая Якопо ди Чессоли в виде шахматных фигур.

ШАХМАТЫ КАК ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МЕТАФОРА

Шахматы – прежде всего пространственная метафора общества (как, впрочем, и телесная метафора), и пространственная символика, играющая важную роль в размещении фигур на шахматной доске, здесь совпадает с социальной. Как в шахматах все подчинено защите короля, так и в обществе, по мысли автора трактата, все социальные группы должны поддерживать короля и укреплять королевскую

власть. В игре эта цель – защита короля – сплачивает фигуры, и именно благодаря подчинению всех фигур королю создается гармония и порядок. Расположение фигур на шахматной доске выявляет отношения взаимной зависимости, обусловленности, весьма характерные и для всякой жизни в обществе. Это в первую очередь вертикальные связи, так как благородные фигуры нуждаются в пешках, а те нуждаются в защите. Это также горизонтальные связи, так как король ничего не может сделать без своей знати. Таким образом, принципы иерархии, как и взаимные связи средневекового общества, прекрасно переданы в этой модели. Проповедник обстоятельно объясняет, почему народ стоит перед знатными. Народ – это венец знати. Без него немыслима жизнь аристократии. Что бы мог сделать *rochus* справа, являющийся викарием короля, если бы крестьянин, чья обязанность состоит в том, чтобы обеспечивать пропитанием, не был бы поставлен перед ним?³⁵ Что бы делал рыцарь, если бы перед ним не было ремесленника, который делает удила и шпоры? Что бы делал король, королева и все остальные без помощи медика?³⁶ Четвертый простолюдin – *mercator* (торговец и меняла) – тоже неслучайно стоит перед королем и занимает, как и король, центральную позицию на доске, поскольку должен снабжать королевскую казну и обеспечивать солдат³⁷. И даже самая презренная фигура, олицетворяющая расточителя и гонца, *ribaldus* стоит перед *rochus* – викарием слева от короля. Почему? Викарию короля полагается иметь людей, способных наблюдать за отдаленными местностями, а гонцы как раз и могут быстро принести письма и выполнить распоряжения короля³⁸. Следуя этой логике, Чессоли поясняет, что шестая пешка размещается перед *alphilus* и слева от короля. Речь идет о людях презренных профессий – трактирщиках и хозяевах гостиниц (*tabernarius*), которых контролирует *alphilus*, – ведь в этих местах часто происходят ссоры и драки, и все эти скандалы должен улаживать судья³⁹. Седьмой простолюдin – страж города (*custos civitatis*). Его позиция слева от короля и перед рыцарем также неслучайна – она связана с его функциями, так как стражу часто приходится выполнять распоряжения рыцарей⁴⁰.

И пусть, – говорит Якопо, – не презирают простолюдинов рыцари и представители знати, как только узнают, почему пешки размещены перед фигурами благородных⁴¹. Далее Якопо ди Чессоли объясняет, почему народ стоит перед пустыми клетками. Потому, – поясняет он, – что простолюдины должны научиться выполнять свои обязанности и стоять впереди на случай войны. Их действиями управляет знать, советы знатных людей. И это естественно – ведь как человек из народа мог бы рассуждать и принимать решения, если он никогда не посещал советы (*consilia*)?⁴² Отсюда вывод Якопо: тот,

кто желает «быть больше самого себя, становится меньше самого себя»⁴³, т.е. каждый должен соответствовать своему статусу. Проповедник также объясняет, почему на шахматной доске вначале партии столько же занятых клеток, сколько и пустых. Это то пространство, которое требуется королю и другим благородным фигурам, чтобы они, поддерживаемые *populares*, разворачивали свою социальную деятельность, это их «поле действия». Тот, кто должен управлять королевством, должен пытаться занимать новые города и территории, необходимые для жизнеобеспечения королевства. Без королевства имя короля пустое и бессмысленное⁴⁴. Потому город шахмат, говорится в трактате, олицетворяет все королевство и собственно весь мир⁴⁵. Кроме категорий горизонтали и вертикали, вне-внутри, впереди-сзади, здесь также действуют пространственные категории «право-лево», «центр-периферия» и пр. Так, чем ближе пешки к краям доски, тем они дальше от фигуры правителя. Центральное положение четвертой и пятой пешек занимают купец и медик, которые среди всех протоллюдинов самые уважаемые. Справа впереди стоит крестьянин, труд которого оценивается позитивно⁴⁶. Слева впереди – восьмая пешка, олицетворяющая мота (*ribaldus*); разумеется, это негативный персонаж, и именно потому он слева⁴⁷. Вообще фигуры, расположенные на левой, связанной с негативными коннотациями, стороне доски, олицетворяют презируемые профессии: трактирщика, расточителя и пр.

Пространственная символика четко выявляется в описании принципов перемещения фигур по шахматной доске. Следует отметить, что эти принципы, существовавшие в Средние века, значительно отличаются от современных⁴⁸.

Как в шахматной игре смысл ходов – обеспечить защиту короля, так и в обществе все должно быть подчинено, по мысли Чессоли, интересам королевской власти. Последний раздел трактата придает динамичный характер всем фигурам, поскольку в нем рассказано об их движениях по шахматной доске. Если до этого фигуры рассматривались статично, в исходной позиции, то теперь Якопо показывает человеческое общество «в действии». В целом ходы фигур – это жесты, которые необходимы для функционирования общества. Все эти ходы направлены на достижение гармонии и согласия в обществе, *concordia*. Рассмотрим последовательно правила перемещения короля, королевы и других благородных фигур.

В шахматной игре Чессоли король ходит прямо, он может перемещаться на две или три клетки в первом ходе. Когда он достигает центра (может быть, уже во время первого хода), его движения ограничиваются одной клеткой⁴⁹. Как на одном, так и на другом конце доски, обрамляя корону, рыцари, слоны (*alphili*) и ладьи (*rochi*) уси-

ливают королевскую власть, блистающую в короле и королеве⁵⁰. Благодаря сильной власти короля королевство благоденствует. Но стоит *nobiles* отвлечься от своей главной функции – заботиться о королевстве и защищать его, как начинаются раздоры, и королевство утрачивает свое имя и королевское достоинство⁵¹.

Королева ходит только по диагонали⁵². В некоторых трактатах, например, в «*Communiloquium*» и «*Breviloquium*» Иоанна Уэльского, диагональные ходы оцениваются негативно и интерпретируются как символ алчности и нечестности (мизогиническое Средневековье нередко приписывало эти черты женщине), в то время как ход по прямой трактуется как символ порядочности⁵³. Но слоны (*sudji* – *alphili*) перемещаются по диагонали и могут перескакивать через три клетки⁵⁴. Как же трактуется смысл таких передвижений? По мысли Чессоли, король не должен пытаться разрешить трудные или сомнительные дела, прежде чем получит совет у своих судей, которые должны быть знающими и честными⁵⁵. Это совершенство знаний и нравов и символизируется их перемещением с трех клеток на три клетки, ибо цифра 6 (3 + 3) совершенна; именно благодаря этой цифре фигуры (*alphili*) выполняют циркулярное, совершенное движение до тех пор, пока не обретут свое изначальное положение⁵⁶. На правой стороне доски судья (*alphilus*), который стоит на черной клетке, двигается вправо на свободную черную клетку и помещается перед крестьянином, потому что судья должен защищать его имущество⁵⁷. Двигаясь влево, он оказывается перед медиком. Как медик должен заботиться о состоянии тела, так судьи должны заботиться о духовном здоровье – о правде и справедливости⁵⁸. На левой стороне доски альфил стоит на белой клетке, и, продвигаясь вправо на три клетки, он оказывается перед купцом, ведь купцы часто спорят и должны прибегать к услугам судьи⁵⁹. Двигаясь влево, он оказывается перед игроками и развратниками, которые постоянно ссорятся и устраивают скандалы, и судье потом приходится разбираться⁶⁰. Так перемещения фигур создают гармонию в обществе и придают ему устойчивость.

Перемещения рыцарей по шахматному полю также интерпретируются как действия, направленные на достижение *concordia* в обществе. В шахматной игре, воспроизводящей средневековое общество, два рыцаря: черный рыцарь находится слева от короля, а белый – справа. У рыцаря несколько возможностей ходов. Первая – вправо на черную клетку перед крестьянином, и это перемещение неслучайно: ведь крестьянин работает на рыцаря, а тот его защищает⁶¹. Второй возможный ход рыцаря – перед портным на черную и пустую клетку, и это также неслучайно, потому что рыцарь должен защищать тех, кто изготавливает одежду и прочее покрытие для тела, и

т.д.⁶² Наконец, третий ход также символичен – перед купцом на черную клетку: рыцарь обязан защищать эту фигуру, так как снабжающий королевскую казну *mercator* находится под покровительством самого короля⁶³.

Рассуждая о смысле перемещений благородных фигур, Чессоли особое внимание обращает на викариев короля (ладьи, *rochi*). Они находятся рядом с королем: справа один из викариев помещается на белой клетке, а слева другой – на черной. Главный принцип их движения – не отходить от короля на большое расстояние. Как только викарии выходят в бой, они могут пользоваться властью, делегируемой им королем. Благодаря ей они разгуливают по всей доске⁶⁴.

Наконец, принципы перемещения неблагородных фигур также исполнены глубокой символики. У них всех один и тот же ход. Они могут перепрыгивать через фигуры и потому сразу продвигаются до третьей клетки, но там свобода их передвижений сокращается, и затем они передвигаются только на одну клетку⁶⁵. Продвигаясь по прямой вперед, они приобретают храбрость то, чем знатные обладают изначально благодаря достоинству своего статуса: черная пешка может стать черной королевой, а белая – белой⁶⁶. В целом оценка пешки *ad hoc* негативна: эта жалкая фигура может ходить только по прямой, но, пожирая другую фигуру, ходит по диагонали. Так и простолюдины могут что-либо приобрести лишь нечестным путем⁶⁷.

В общем, в описании перемещений фигур проповедник также воспроизводит некоторые принципы сосуществования общества и согласованности его действий.

Итак, свойства шахмат Чессоли использовал для описания и толкования средневекового общества. Шахматы стали образом четко стратифицированного социума, в котором представитель каждого сословия занимает свое определенное место в общественной иерархии – каждому отводятся специфические задачи, и, начиная с короля, проясняется взаимная зависимость каждого отдельного сословия и его представителя. Идея социальной сплоченности, необходимой солидарности между различными составными частями общества, совершенным образом выражается с помощью шахматных правил⁶⁸. Взаимодействие различных сословий, как оно описано в шахматном трактате, нацелено на достижение мира и социального порядка в обществе, стабильность и устойчивость которого обеспечивается строгой иерархией.

Трактат Чессоли приобрел необычайную популярность⁶⁹ и был переведен почти на все народные языки – средневерхненемецкий, французский, английский, шведский, каталанский и пр. Можно считать, что с этого момента образ общества как шахматной игры занял прочное место в сознании средневекового человека.

* * *

Итак, вернемся к поставленному вначале вопросу: почему средневековым писателям понадобилось обратиться к новой идеальной модели социального порядка – шахматам. Ведь известно, что долгое время в сознании средневековых людей доминировала так называемая трехфункциональная модель общества, с помощью которой можно было прекрасно описывать социум. Процесс смены социальных метафор все же нуждается в объяснении, и трудно согласиться с мнениями некоторых немецких историков о том, что сочинение Якопо де Чессоли – всего лишь морально-дидактический трактат и представляет интерес скорее с точки зрения риторики, чем истории общественной мысли⁷⁰. Потому попытаемся предложить нашу интерпретацию происходивших на рубеже XIII–XIV вв. изменений в социальном воображении.

Исходя из содержания памятника и анализа внешних условий его создания, напрашивается целый ряд соблазнительных выводов. Скорее всего, как это уже было выяснено, Якопо ди Чессоли написал свой трактат в период *interregnum*. Известно, что после конца в 1254 г. династии Гогенштауфенов и до избрания в 1273 г. Рудольфа Габсбурга германское общество переживало период беспорядков и анархии, рушилось здание строго упорядоченной социальной иерархии. С этой точки зрения трактат, в котором общество изображается в виде шахматной доски, где за каждым *ordo* (как аристократами, так и простолюдинами), олицетворяемым определенной шахматной фигурой, закреплен четкий социальный статус, как можно предположить, должен был внести в существующую ситуацию элемент порядка и стабильности, преодолеть анархию и беспорядок, царившие в обществе.

С другой стороны, создается впечатление, что прежняя тройственная модель наряду с другими (в основном тернарными) уже не в состоянии была вместить растущее число новых профессий, ремесел и статусов, под которыми в Средние века понимались социальные категории. Мы видели, что в трактате Чессоли (а в еще большей мере в сочинении Конрада фон Амменхаузена, переложившего трактат на средневерхненемецкий язык) описываются чрезвычайно разнообразные социопрофессиональные категории. Если учитывать взаимосвязь социокультурных представлений с действительностью, то можно вспомнить о том, что именно в это время в средневековом обществе происходит рост городов, развитие ремесел, появляются совершенно новые виды деятельности, усложняется социальная стратификация, заявляют о себе новые городские сословия, растет социальная мобильность⁷¹.

Одним словом, происходит общественная перестройка. Если это так, то не отражает ли наш трактат некоторую обеспокоенность автора – клирика – по поводу роста мобильности различных социальных градаций, и шахматная модель общества призвана не только отразить усложнившуюся социальную стратификацию, происходящие социальные изменения, но и препятствовать мобильности новых сословий, указать каждому социальному страту свое, четко определенное, как на шахматной доске, место и, рассказав о правилах перемещения на доске, предписать четко кодифицированные принципы поведения каждому сословию? Пытаясь включить новые социопрофессиональные градации в идеальную модель, клирики искали в ней средства подчинения этих социальных категорий. Таким образом, шахматная игра использовалась клириками как метафора нового социального порядка – шахматные фигуры позволяли лучше классифицировать социальные различия. Дабы избежать излишней социальной мобильности, клирики стремились через проповедь внедрить в сознание паствы строгое соблюдение принципов социальной стратификации.

Но можно ли полагать, что зависимость социокультурных представлений была настолько автоматической? Эти представления не были простым воспроизведением действительности, хотя именно она их моделировала. Все же эта взаимосвязь не была столь прямой и непосредственной. Между представлениями и действительностью существовало много экранов. Шахматная модель социума была не столько средством описать средневековое общество, сколько способом воздействовать на его развитие. Если же иметь в виду адресата трактата – аристократию, то можно считать, что цель Чессоли заключалась не столько в воспроизведении реальности, сколько в ее модификации и «улучшении» – не только и не столько в том, чтобы описать общество, сколько в том, чтобы реформировать его нравы. Таким образом, связь между социальными процессами и представлениями о них оказывается далеко не столь однозначной, как мы это предполагали вначале⁷².

Далее. Если говорить о принципах конструирования социального, то шахматная модель демонстрирует новую концепцию *ordines*. Мы уже говорили о том, что критерии социального расчленения в средневековом мире были самыми разнообразными. Что принципиально нового вносила шахматная классификация? Чессоли обещает в начале своего трактата рассказать об обязанностях (*officia*) и нравах (*mores*) сословий, но все же больше рассказывает о нравах. Поэтому его категории социальной стратификации не столько социальные, сколько моральные. Здесь мало новаций, ибо именно на таких критериях, как уже отмечалось, и основывалась классификация со-

циальных страт в средневековом мире. В шахматной модели принцип, похоже, тот же самый: говоря о представителях знати, Якопо создает *imago virtutis*, образ добродетели каждой фигуры-сословия. И потому в случае со знатью речь идет прежде всего о моральных социальных категориях. Но, переходя к характеристике простолюдинов-пешек, Чессоли использует уже иной принцип – здесь он прежде всего характеризует профессиональные категории. Возможно, что именно в это время происходит постепенный переход от иерархии социальных и изменчивых категорий к более четкой таксономии практик и знания и начинают применять такие принципы стратификации, как семь механических искусств, семь свободных искусств⁷³. Отголосок этой новой иерархии – шахматный трактат.

Трактат Чессоли предлагает еще одну новацию, вызванную жизнью глубокими общественными изменениями. Как уже говорилось, в Средние века излюбленными моделями общества были тернарные, так как они наиболее адекватно отражали божественный порядок, а также идею неравенства (ведь нечетное число «три» предполагает определенную диспропорцию). Именно такие модели, с точки зрения средневековых людей, обеспечивали стабильность общества. Подлинная устойчивость, по их мнению, исключает равенство и предполагает диспропорцию и нечетность. Тернарная модель подразумевала три социальные страты, символизирующие чаще всего три функции – военную, священническую и производительную (*oratores, bellatores, laboratores*). Но как включить в эту интеллектуальную конструкцию купцов, торговцев, четвертое сословие? Переходя от нечетного числа «три» к четному числу «четыре», мы совершаем переход от тернарности к бинарности, и в силу этого исчезает параллель земля – небо, где существуют три лика Святой Троицы, девять ангельских хоров и пр.⁷⁴ Если тернарная модель унитарна и устойчива, то четвертичные модели очень часто нестабильны и отражают общественные изменения.

До XIII в. тройственная модель, видимо, обслуживала общество, но затем с ростом городов и появлением новых страт – ремесленников, торговцев и университетариев – трехфункциональная модель начинает испытывать трудности и, как представляется, оказывается неспособной отразить новые социальные реальности. Средневековое общество, которое мыслило себя трехчастным и отражающим на земле небесную гармонию между общим и единичным, ищет новые схемы и новые принципы конструирования социального. Средневековая мысль создает многочисленные четвертичные модели общества, состоящие из четырех, восьми или двенадцати элементов. Жак де Витри в своих проповедях выделял двенадцать званий, среди которых перечислены крестоносцы, паломники, ремесленники,

моряки, вдовы, сеньоры, ростовщики и пр. Эушташ Дешан сочинил «Лэ о двенадцати званиях мира» (*Le lay des douze estats du monde*), где вслед за четырьмя классическими *ordines* (священники, воины, крестьяне и купцы) он говорит о судьях, ремесленниках, банкирах, нотариусах, медиках, священниках и, наконец, короле⁷⁵. Эта схема, несомненно, также отразила общественную перестройку, поскольку признала наряду с банкирами также медиков и юристов. Таким образом, сознавая угрозу общественному порядку, исходившую от новых словесий, интеллектуалы создавали помимо тройственной новые и более реалистичные модели и тем самым пытались создать социальную гармонию. Чем схема проще, тем больше ее сила сопротивления реальности и тем лучше она служит идеологическим целям, в нашем случае – интересам аристократии и королевской власти⁷⁶.

Такова семиотическая шахматная модель. В шахматной модели главное число – 8, кратное 4, по существу речь идет о четвертичной модели – 8 представителей знати и восемь простолюдинов, их появление отражает изменение в социальной стратификации и возникновение новых профессий. Эта особенность придает шахматной модели внешне более демократичный вид, и она же указывает на некоторую неустойчивость общества в контексте идеальных представлений Средневековья. В этой модели индивид мог занять определенное место и осознавать себя частью целого и таким образом примириться со своим местом в иерархии. Подобная социальная метафора, с одной стороны, маскировала отношения подчинения, а с другой – создавала гармонию и стабильность, необходимые для его функционирования. Именно в этом смысле можно говорить о достаточно тесной связи трактата с социальной реальностью. Так или иначе, модель шахмат оказалась достаточно гибкой, чтобы отразить все те изменения, которые происходили в средневековом обществе на рубеже веков, хотя вряд ли стоит настаивать на эволюционных изменениях в социальном воображаемом. Появление новой метафоры отнюдь не означало, что прежние социальные метафоры – телесная или метафора *tres ordines* – были вытеснены из средневекового сознания⁷⁷.

¹ «Mundus iste totus quoddam scaccarium est, cuius unus punctus albus est, alius vero niger, propter duplicem statum vite et mortis, gratie et culpe». В некоторых рукописях этот пассаж встречается в приписываемом Иннокентию III трактате «Quaedam moralitas de scaccario». Однако существует мнение, что автор этих строк – францисканский монах Иоанн Уэльский, написавший трактат «Communiloquium». Полный текст пассажа с соответствующими дебатами по поводу его происхождения опубликован следующих работах: Murray H.J.R. A History of Chess. Oxford, 1913. P. 530–534, 559–561; Thorndyke L. «All the World's a chess-board» // Speculum. 1931. Vol. 6. P. 219–224.

- ² См. об этом: *Petschar H.* Kulturgeschichte als Schachspiel. Vom Verhältnis der Historie mit den humanwissenschaftlichen Variationen zu einer historischen Semiotik. Aachen, 1986 (Aachener Studien zur Semiotik und Kommunikationsforschung. Bd. 11).
- ³ См.: *Bierschwale H., Plessow O.* Schachbrett, Körper, Räderwerke. Verräumlichte Gesellschaftsmetaphorik im Spätmittelalter // Raum und Konflikt. Zur symbolischen Konstituierung gesellschaftlicher Ordnung in Mittelalter und Früher Neuzeit. Münster, 2004. S. 59–81.
- ⁴ См.: *Honorii Augustodunensis* Speculum ecclesiae. Sermo generalis // Patrologiae cursus completus. Series Latina. Parisiis, 1854. Vol. 172. Col. 866.
- ⁵ Policraticus, V, 2. P. 283, 1–15: «Princeps vero capitum in re publica optinet locum... Cordis locum senatus optinet... Oculorum aurium et linguae officiali sibi vendicant iudices et praesidiis provinciarum...» (Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum / Ed. by C.J. Webb. L., 1909. T. 2).
- ⁶ Policraticus, VI, 1. P. 2, 15–18, 25–26: «Manus rei publicae aut armata est aut inermis. Armata quidem est quae castrensem et cruentam exercet militiam; inermis quae iustitiam expedit et ab armis feriando iuris militiae servit...» (Ibid.).
- ⁷ Policraticus, V, 2. P. 282, 14–22: «Ea vero quae cultum religionis in nobis instituunt et informant... uicem animae in corpore rei publicae obtinent. Illos vero, qui religionis cultui praesunt, quasi animam corporis suscipere et venerari oportet...» (Ibid.).
- ⁸ См. о созданных Иоанном Солсберийским метафорах общества: *Struve T.* Die Entwicklung der organologischen Staatsauffassung im Mittelalter. O., 1978. S. 123–148. См. другие работы на эту тему: *Liebschütz H.* Medieval Humanism in the Life and Writing of John of Salisbury. L., 1950 (Studies of the Warburg Institute. Vol. 17).
- ⁹ *Iognat-Prat D.* Le «baptême» du schéma des trois ordres fonctionnels: L'apport de l'école d'Auxerre dans la seconde moitié du IX s. // Annales: ESC. 1986. Vol. 41, N 1. P. 102–126.
- ¹⁰ См. об этом: *Duby G.* Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. P., 1978. См. пер. на рус. яз.: *Дюби Ж.* Трехчастная модель, или представления средневекового общества о самом себе / Пер. с фр. Ю. Гинзбург. М., 2000.
- ¹¹ См. об этом подробнее: *Carozzi C.* Les fondements de la tripartition sociale chez Adalberon de Laon // Annales: ESC. 1978. Vol. 33, N 4. P. 683–702; *Iognat-Prat D.* Op. cit. P. 102–126.
- ¹² См. об этом: *Oexle O.G.* Die funktionale Dreiteilung als Deutungsschema der sozialen Wirklichkeit in der ständischen Gesellschaft des Mittelalters // Ständische Gesellschaft und Soziale Mobilität / Hrsg. von W. Schulze. München, 1988. S. 19–51.
- ¹³ *Martin H.* Mentalités médiévales. P., 2001. Vol. II: Représentations collectives du XI au XV s. P. 129.
- ¹⁴ *Servert V.* Le pourpre et la glebe (Rhétorique des états de la société dans l'Espagne médiévale). Grenoble, 1997. P. 31.
- ¹⁵ См., например: *Duby G.* Op. cit. P. 199–200.
- ¹⁶ См. следующие издания: Liber de moribus hominum ac officiis nobilium super ludo scaccorum / Hrsg. von Köpke. Brandenburg, 1879 (далее: Liber de moribus...); Das Schachzabelbuch Kunrats von Ammenhausen nebst den Schachbüchern des Jakob von Cessole und des Jakob Mennel // Bibliothek älterer Schriftwerke der deutschen Schweiz (Ergänzungsband. Bd. 7). Frauenfeld, 1892; *Burt A.-M.* Jacobus de Cessolis: Libellus de moribus hominum et officiis nobilium ac popularium super ludo scaccorum». Texas, 1957. В настоящей статье использовано издание 1879 г. С конца XIX в. было осуществлено несколько научных изданий трактата Якопо ди

Чессоли. О новом всплеске интереса к трактату свидетельствует только что опубликованный Упсальским университетом сборник статей «Шахматы и аллегория» (Chess and Allegory in the Middle Ages / Ed. by O. Ferm and V. Honemann. Stockholm, 2005; см. также рец. А.В. Толстикова на этот сборник в настоящем выпуске). За исключением статьи общего характера, принадлежащей перу Ф. Хонеманна, статьи сборника посвящены исследованию символики шахматных фигур, а также встречающихся в шахматных трактатах *exempla*. К сожалению, авторы не уделяют пристального внимания анализу принципов социального конструирования в трактате Якопо ди Чессоли и не ставят проблему преемственности социальных метафор в средневековом обществе.

- 17 См.: *Kaepfelli Th.* Pour la biographie de Jacques de Cessolis // *Archivium Fratrum Praedicatorum*. 1960. N 30. S. 149–162. См. также: *Mehl J.M.* Jeu d'échecs et éducation au XIII siècle. Recherches sur le «Liber de moribus» de Jacques de Cessoles // *Perspectives médiévales*. P., 1984. N 10. P. 81–83.
- 18 *Liber de moribus...* P. 1: «Hic enim rex inter omnia alia mala unum habebat pessimum, quod correctores suos occidebat et increpatores oderat, quod stultissimum est».
- 19 *Ibid.* P. 2: «Tunc philosophus formam tabularii ac scachorum, ac mores Regis nobilium et popularium et officium eorum describens, ut in sequentibus capitulis declarabimus, eum ad correctionem et morum ac virtutum informationem attraxit».
- 20 *Ibid.* P. 30: «...secundum dictum beati Ieremiae civitas Babylonia fuit amplissima et quadrata; quodlibet autem quadrum ipsius habuit XVI milia passuum in numero et mensura, quae sedecim milia in quatuor ducta crescent in LXIII quadrata puncta... labia tabularii nunc dictae civitatis significant, et quia fuit altissimus, ideo et labium in altum statuitur».
- 21 О представлениях об идеальном обществе в это время см.: *Frugoni C.* Una lontana città, idee e sentimenti nel Medioevo. Torino, 1983.
- 22 *Frugoni C.* Das Schachspiel in der Welt des Jacobus de Cessolis // *Das Schachbuch des Jacobus de Cessolis. Kommentarband zur Faksimileausgabe des Cod. Palatinus Latinus 961*. Zürich, 1988. S. 41.
- 23 Попытку охарактеризовать символическую роль благородных шахматных фигур предпринял Ж.-М. Мель. См.: *Mehl J.M.* La noblesse d'après Jacques de Cessoles // *Mélanges réunis en l'honneur de M. Freddy Thiriet*. Amsterdam, 1987. P. 523–535.
- 24 *Liber de moribus...* P. 3: «Nam in solio positus... in manu dextera habens sceptrum, in sinistra habens pilam rotondam».
- 25 *Ibid.* P. 7: «Sciendum est, alphiles fuisse formatos ad modum iudicum assessorum in cathedra cum libri aperto ante oculos».
- 26 *Ibid.* P. 12: «Vicarii esu legati Regis rochi sunt, quorum forma sic inscribitur: Nam miles super equum cum chlamyde, pelle de vario et circa capucim habens, in manu baculum positum est... Quia enim rex personaliter in regno suo ubique praesens esse non potest, ideo necesse fuit in auctoriat, quae est in rege sicut in fonte, derivetur ad rochos».
- 27 Детальное и яркое описание форм фигур в тексте Чессоли воспринимается как комментарий к изображениям. Неудивительно, что трактат породил богатейшую иконографическую традицию. Одна из иллюминированных рукописей трактата Конрада фон Амменхаузена, переводчика Чессоли, хранится в Российской национальной библиотеке. См.: *Ms. Deutsch. F. v. XIV, 1*.
- 28 *Liber de moribus...* P. 5: «...est autem a sinistris Regis collocata per gratiam, quod regi donatum est per naturam».

- ²⁹ Ibid. P. 7: «Et quia quaedam sunt causae criminals, quaedam vero circa possessions et res temporales litigatoriae, ideo duos iudices necesse fuit in regno esse, unum alphilem in nigro, quo ad primas, alterum in albo, quo ad secundas».
- ³⁰ См.: Hugonis de S. Victore Eruditionis didascalicon libri septem // *Patrologiae cursus completus. Series Latina. Parisiis, 1854. Vol. 176, lib. II, cap. XXI. Col. 767*: «mechanicae septem scientias continent: lanificium, armaturam, agriculturam, venationem, medicinam, theatricam». О концепции «artes mechanicae» этого времени см.: *Sternagel P. Die artes mechanicae im Mittelalter. Begriffs- und Bedeutungsgeschichte bis zum Ende des 13. Jh. Kallmünz. OPf., 1966.*
- ³¹ Связь классификации ремесел и профессий с реальной повседневной жизнью более отчетливо просматривается в немецкой версии трактата, принадлежащей перу Конрада фон Амменхаузена. Перечисляемые им разнообразные ремесла также проще связать с механическими тривиумом и квадравиумом. См. об этом: *Lerchner K. Wissenssystem und Gesellschaftstechnik im Schachzabelbuch Konrads von Ammenhausen. Zum Verständnis der artes mechanicae in Text und Bild // Jahrbuch der Oswald von Wolkenstein Gesellschaft. 1999. Bd. 11. S. 333–345. Frugoni C. Das Schachspiel in der Welt des Jacobus de Cessolis. S. 35–79.*
- ³² Кроме того, профессию медика Якопо ди Чессоли в целом относит к *artes liberales*: медик, по его мнению, должен обладать знаниями в области грамматики, риторики, диалектики, астрономии и пр. (Hugonis de S. Victore Eruditionis didascalicon... P. 24). О фигуре медика в трактате см.: *Müller R.A. Der Arzt im Schachspiel bei Jakob von Cessolis. München, 1981.* В общем представляется, что параллели, проводимые между трактатом Якопо ди Чессоли и сочинением Гуго Сен-Викторского, довольно натянуты.
- ³³ *Liber de moribus... P. 18*: «Fabrum... quem ante militem in dextra Regis parte situatum dicimus. Et merito, quia miles indigent freno calcaribusque...»; *Ibid. P. 21*: «In isto repraesentantur mercatores... Ante regem congrue situantur, quia thesaurus Regis debent praeesse et pro res militibus in stipendiis respondere...»
- ³⁴ *Ibid. P. 8, 11–13, 16.*
- ³⁵ *Ibid. P. 30*: «Nam dexter rochus, qui est Regis vicarius, quid posset facere, nisi situates esset ante ipsum agricola, cui cura est temporalia ad victum ministrare?»
- ³⁶ *Ibid.*: «Quid enim miles faceret, nisi ante se fabrum haberet, qui frena et calcaria pararet?... Quid reges aut reginae aut ceteri facerent sine medicis?»
- ³⁷ *Ibid. P. 21.*
- ³⁸ *Ibid. P. 28*: «Ad vicarium enim Regis, qui est rochus, pertinet habere homines aptos ad civitates et loca Regis contraria exploranda, et cursors, qui cito portent literas et Regis mandata».
- ³⁹ *Ibid. P. 26*: «Hi ante alphilem tanquam ante iudicem sunt positi, quia saepe inter eos rizaet et turbationes orate per alphilem, Regis iudicem solent tractari et libra iustitiae quietari».
- ⁴⁰ *Ibid. P. 27*: «Recte enim ante militem collocantur; per milites, civitatis custodies, habent require et videri, etiam per eos habet ipsa civitas custodiri».
- ⁴¹ *Ibid. P. 30*: «Nunc ergo tu, miles aut nobilis, populares non despicias, cum eos ante nobiles in hoc ludo situatos noveris».
- ⁴² *Ibid.*: «...populares, antequam incipient bellare, ante vacua quadra situantur, ut ex hoc discant suis officiis et artibus interesse atque intendere. Consilia vero et civitatis regimen ac bellorum ordinem nobilibus permittant tractare. Qualiter sciat consulere popularis, qui nunquam studuit circa consilia?...»
- ⁴³ *Ibid. P. 30*: «Saepe enim fit, ut qui plus quaerit esse quam sit, minus fiat quam est...»

- 44 Ibid. P. 30–31: «...circa quartum est sciendum, quod tabulario extensor tantum est de vacuo sicut de plano, ideo est, quia quicumque gentem occupant ad regendum, conari debet ut civitates et castra et possessions occupet, quae sufficienti genti ad habitandum et excolendum. Regis sine regno vacuum est et inane».
- 45 Ibid. P. 31: «Et licet schacharium civitatem, quam praediximus, praefigurat, totum tamen regimen et ipsum utique mundum significant».
- 46 Ibid. P. 16: «incipiemus a primo populari in acie posito dextra regis, quem ante rochum dextrum ponimus, quia ad Regis vicarium».
- 47 Ibid. P. 28: «Ribaldos et lusores ante sinistram rochum dicimus situatos».
- 48 Об этом см.: Vom Wesir zur Dame. Kulturelle Regeln, ihr Zwang und ihre Brüchigkeit. Über kulturelle Transformationen am Beispiel des Schachspiels / Hrsg. von E. Strouhal. Wien, 1995; *Holländer H.* «Bretter, die Welt bedeuten» // «Mit Glück und Verstand» / Hrsg. von C. Zangs und H. Holländer. Aachen, 1994. S. 21–31.
- 49 Liber de moribus... P. 32: «...quia vero quatuor primae lineae sunt intra regni spatium, ad tres primas rex in suo loco proprio situatus potest accedere. Cum vero illam tertiam progredi coeperit, non nisi in uno quadro puncto potest progredi».
- 50 Ibid. P. 31: «Sinister vero rochus et alphilis regem in simili sede sociant ut hinc inde sibi opposites regnum, quod in rege et regina emicat, ipsi in locis ac sedibus similibus ad modum coronae succinctis securius obfirmant».
- 51 Ibid.: «Si autem unusquisque propria attenderet, non quae regno vel regi debentur defenderet vel curaret, cito fieret regni divisione et per consequens regnum perderet nomen regni et regiae dignitatis?»
- 52 Ibid. P. 32: «Postquam mota fuit de proprio quadro nigro, ubi primo fuit locata, non potest procedure nisi de quadro in quadrum unum et hoc angulariter sive procedat, sive retrocedat».
- 53 См.: *Vidmanová A.* Die mittelalterliche Gesellschaft im Lichte des Schachspieles // *Miscellanea Mediaevalia*. Veröffentlichungen des Thomas-Instituts der Universität zu Köln / Hrsg. von A. Zimmermann. Bd. 12/1: Soziale Ordnungen im Selbstverständnis des Mittelalters. B.; N.Y., 1979. S. 323–335.
- 54 Liber de moribus... P. 33: «Est autem sciendum quod alphili semper procedunt de tertio quadro in tertium, servando proprium situm in forma...»
- 55 Ibid.: «Nulla enim ardua et dubia debet rex attentare, nisi primo iudicum consilium interveniat, et ideo perfectos necesse est esse tam scientia quam moribus...»
- 56 Ibid. P. 33: «...in VI stationibus et processibus totum tabularium circulariter peragit, qui tunc in loco, in quo primo situatus fuit».
- 57 Ibid.: «Dexter enim, qui niger est, ad dextram pergens se in spatio vacuo et nigro ante agricolam locat, quod et congruum fuit, ut iudex possessionis et laboreria secundum iura sibi credita defenderet».
- 58 Ibid.: «...sicut enim medicus habet curare corpora et ad sanitatem reducere, sic et iudices habent animosas contentiones sanare et reducere ad concordiae veritatem».
- 59 Ibid.: «...quia mercatores saepe indigent consiliis et lites eorum indigent per iudices terminari».
- 60 Ibid.: «...alium progressum habet versus sinistram ad spatium album et vacuum ante ribaldos et lusores, et quia tales saepe rixas et quandoque furta committunt, per iudices habent puniri».
- 61 Ibid.: «...unum versus dextram in loco nigro ante agricolam, et congrue, quia, cum agricola laborat et agros colit, eum miles custodire debet...»
- 62 Ibid. P. 33–34: «Secundum processum tenet movendo se et ponendo ante lanificem in spatio nigro ac vacuo, et illum debet protegere, quia vestes et alia necessaria corpori tegimenta operator et facit».

- ⁶³ Ibid. P. 34: «Tertium processum habet versus sinistram in loco, ubi mercator situatur ante regem, qui locus niger est, et congrue, quia miles personam Regis tanquam propriam habet defendere et tueri».
- ⁶⁴ Ibid.: «Eorum enim magna est auctoritas, cum personam regis gerant, et ideo vacuo tabulario existente, per totum tabularium quasi per regnum discurrunt...»
- ⁶⁵ Ibid.: «Nam a primo quadro, ubi situati sunt, possunt ad tertium progredi, eo quod secure intra regni confinia consistent. Cum vero extra regni terminus prosiliunt, uno quadro contenti semper in directum ascendunt...»
- ⁶⁶ Ibid. P. 34–35: «Nam si quis eorum poterit ad dictam lineam pervenire, si albus fuerit... reginae albae dignitatem acquisitam retinent... Si vero aliquis popularium niger fuerit...eodem modo in directum ad lineam adversorum nobilium sine damno pervenerit per virtutem, reginae nigrae dignitatem et processum acquirit».
- ⁶⁷ Ibid. P. 35: «Est autem sciendum, quod populares ascendentes in rectum, si quem nobilem vel popularem invenerint adversarium, et hunc in angulis, ipsum a dextris et sinistris capere et occidere possunt».
- ⁶⁸ См. об этом: *Mehl J.-M.* La noblesse d'après Jacques de Cessoles... P. 526.
- ⁶⁹ Об этом свидетельствует хотя бы количество его рукописей – около 80. Большинство их хранится в библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле. Швабский бенедиктинец Конрад фон Амменхаузен перевел латинский оригинал на средневерхненемецкий язык, переработав его в поэтическое произведение, состоящее из 19336 стихов.
- ⁷⁰ Наиболее отчетливо эта мысль отражена в статьях О. Плессова и П. Кальнинга. См.: *Plessow O.* Kulturelle Angleichung und Wertuniversalismus in den Schachzabelbüchern des Mittelalters // *Chess and Allegory....* S. 57–99; *Kalning P.* Der Ritter auf dem Schachbrett – Ritterliche Tugenden im Schachzabelbuch Konrads von Ammenhausen // Ibid. S. 173–217.
- ⁷¹ См. об этом: *Isenmann E.* Die deutsche Stadt im Spätmittelalter. 1250–1500. Stuttgart, 1988. Passim.
- ⁷² Более резко это мнение выразил Э. Мартен: «Речь ни в коей мере ни идет о «фотографировании» социальной структуры» («Il ne s'agit en rien de photographie de la structure sociale»); *Martin H.* Op. cit. P. 129.
- ⁷³ По мнению некоторых исследователей, именно в это время происходит определенная переоценка роли artes mechanicae, создается новый образ «механических искусств», которые все больше сравниваются и сближаются со свободными искусствами. См. об этом: *Alessio F.* La filosofia e le artes mechanicae nel secolo XII // *Studi medievali.* 1965. Т. VI, N 1. P. 70–161.
- ⁷⁴ См. об этом: *Martin H.* Op. cit. P. 89–90.
- ⁷⁵ Ibid. P. 90.
- ⁷⁶ Видимо, с такой идеологической функцией и с такой спецификой адресата трактата связано и то, что в нем отсутствуют клирики – обстоятельство, на которое обращает внимание Ф. Хонеманн в своей статье. См.: *Honemann V.* Der Beitrag der mittelalterlichen Schachtraktate zur Beschreibung und Deutung der menschlichen Gesellschaft // *Chess and Allegory... S.* 37–57. См. также рецензию А.В. Толстикова в настоящем выпуске.
- ⁷⁷ Так, телесная метафора была широко распространена в Германии в начале XV в. См.: *Bierschwale H., Plessow O.* Op. cit. S. 70–75.